

считает, что мы удержимся на Рейне, ибо тот является идеальным рубежом обороны. Он отдал приказы действовать так, чтобы при любых обстоятельствах удержать на Рейне несколько плацдармов. (...) Я настойчиво внушал фюреру, что рушится наш последний военный тезис, ибо если американцы пробьются в Центральную Германию, у них не будет ни малейшего побуждения вообще пойти на какой-либо разговор с нами. Наша задача теперь во что бы то ни стало устоять на ногах. Кризис во вражеском лагере хотя и возрастил, но еще большой вопрос, приведет ли он к взрыву до тех пор, пока мы более или менее в состоянии сопротивляться. Предпосылка успешного окончания войны: кризис во вражеском лагере должен разразиться прежде, чем мы окажемся поверженными наземь.

Фюрер снова в резких выражениях нападает на генеральный штаб. Но я задаю ему вопрос: какая от этого польза? Ему надо было послать генеральный штаб к черту, раз тот чинит ему такие большие трудности! В ответ фюрер цитирует Бисмарка, который однажды сказал: с датчанами он справился, с австрийцами и французами тоже, а вот с борократией рейха — не смог. Но ведь Бисмарк не обладал такой властью, как фюрер! (...) Однако фюрер, как и прежде, считает, что нам удастся как-нибудь снова удержаться. Как это произойдет в деталях, это ему самому в данный момент еще не ясно. (...)

Что касается оценки внешнеполитического положения, то тут фюрер питает весьма радужные надежды. Он с удовлетворением замечает, что политический кризис во вражеском лагере растет. Но я возражаю: это нарастание кризиса идет для нас слишком медленно. Вопрос, сможем ли мы дождаться, пока этот кризис окончательно созреет. Фюрер прав, заявляя, что Англия очень устала от войны. Ему тоже бросилось в глаза сообщение из Вашингтона, что США и впредь признают Прибалтийские государства. Так вот, кажется, что за кулисами разыгрывается крупный скандал между англо-американским лагерем и советским. Но этот скандал, как я должен постоянно подчеркивать, пока не является столь сильным, чтобы принести нам облегчение.

Фюрер убежден в том, что если какая-либо держава во вражеском лагере и захочет вступить с нами в разговор первая, то это при всех обстоятельствах будет Советский Союз. У Сталина с англо-американскими союзниками величайшие трудности, а ведь Советский Союз принадлежит к числу тех государств, которые, точно так же как и мы, хотят вернуться с войны с добычей. А потому вечный конфликт с англо-американцами Сталину находит, и тогда он оглядится вокруг в поисках других возможностей. Его тактика в Румынии и Финляндии такова, подчеркивает фюрер, что она для американцев просто-таки сигнал тревоги, не говоря уже о польском вопросе. Сан-Франциско (учредительной конференции ООН. — Сост.) фюрер предрекает фиаско. Но предпосылкой того, что мы вступим в разговор с той или иной другой

стороной, служит наш военный успех. Сталин тоже должен сначала понести урон, прежде чем захочет чего-нибудь достичнуть с нами. Фюрер правильно говорит, что Сталину легче осуществить смену курса в военной политике, ибо ему совершенно не нужно считаться со своим общественным мнением. Несколько по-иному обстоит дело с Англией. Даже если бы Черчилль и захотел проводить иную военную политику, сделать этого он не смог бы. Ведь он слишком зависит от внутриполитических сил, часть которых носит прокоммунистический характер, а также от Рузвельта, не говоря уже об отсутствии у него малейшего намерения идти в этом направлении.

В качестве цели перед фюрером маячит возможность найти взаимопонимание с Советским Союзом и благодаря этому с жесточайшей энергией продолжить борьбу против Англии. Ведь Англия всегда была нарушителем мира в Европе. Если мы вышвырнем ее отсюда, то, по крайней мере на какое-то время, обретем покой.

Советские зверства, конечно, ужасны и дают фюреру большую фору. Но ведь и монголы тоже хозяйничали в Европе, так же как и Советы, однако не давали этим никакой форы для тогдашних конфликтов. Бури с Востока приходят и уходят, и Европа должна с ними справляться.

Я докладываю фюреру мой пропагандистский план публикации материалов о советских зверствах, и он тоже считает, что надо использовать с этой целью [начальника генерального штаба] Гудериана. Фюрер полностью согласен с этим планом. Он одобряет, чтобы при публикации материалов о советских зверствах национал-социалистические тенденции несколько сдерживались, тогда наши публикации вызовут большее международное доверие. В любом случае необходимо внести в оценку большевизма полную ясность. <...>

Я перехожу к вопросу о воздушной войне. Фюрер подвергает Геринга и люфтваффе безудержной критике. В Геринге он видит подлинного козла отпущения за развал люфтваффе. <...>

Я сообщаю фюреру, что Магда (жена Геббельса. — Сост.) вместе с детьми при всех условиях, даже если Берлин будет атакован и окружен, останется со мной. Фюрер после некоторого колебания одобряет это решение. <...>

В целом фюрер все еще производит сильное впечатление. Он тоже остался непоколебимым, несмотря на все страшные удары, которые мы теперь снова получаем. Его стойкости можно поражаться. Если кто и способен справиться с теперешним кризисом, так это он. Не видно никого другого, кто хотя бы отдаленно мог сравниться с ним.

В любом случае у нас теперь должен господствовать один принцип: при всех обстоятельствах успешно справиться с этим кризисом, а если это невозможно, выдержать его с честью. Мы должны быть готовы ко всему и сжечь мосты за собой. Тем вернее мы пронесем наше знамя к победе.